

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лишинца, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 30 (881)

30 мая 1940 г., четверг

Цена 30 коп.

28 мая в Кремле открылась Третья Сессия Верховного Совета РСФСР. На снимке: слева — в ложе Президиума Верховного Совета РСФСР (слева направо): К. Е. ВОРОШИЛОВ, В. М. МОЛОТОВ, И. В. СТАЛИН, Л. М. КАГАНОВИЧ, Г. М. МАЛЕНКОВ, А. А. АНДРЕЕВ, А. И. МИКОЯН и А. Е. БАДАЕВ. В центре — за столом председателя — Председатель Верховного Совета РСФСР А. А. Жданов и заместители Председателя П. С. Макарова и А. Х. Тынчера. Справа — ложа Совнаркома РСФСР. Фото Ф. Кислова и А. Грибовского (ТАСС).

История советской литературы

Десять лет тому назад в своей статье «О литературе», явившейся первым серьезным обобщением идейных и тематических тенденций в развитии нашей литературы, А. М. Горький писал о необходимости исторически осветить опыт советской литературы. Готовясь к докладу на первом съезде советских писателей, Горький обратился к ряду критиков и руководителей работников в республиках с просьбой прислать ему материалы по истории отдельных советских литературу. Увы, никто тогда и не приступал к подобным попыткам исторического обобщения. Об этом говорил Горький и в своем докладе на самом съезде. Наконец, через год на пленуме Оргкомитета, посвященном вопросам критики, А. М. Горький повторил снова: «Мы не будем иметь грамотных критиков до тех пор, пока не настоним на том, чтобы созданы были грамотные критики и чтобы у нас была история литературы. Нам необходима история литературы, которой у нас нет. Точно так же нам необходима критика, которая не воспела потому, что плохо знает историю литературы и «не в курсе» той огромной ответственности, которая лежит на ней».

Надо признать, что инициатива Горького, его интерес и внимание к созданию истории советской литературы ю сих пор еще не реализованы, да и не понятны, как надо. Правда, как известно, Институт музейной литературы им. Горького уже второй год работает над созданием большой научной Истории советской литературы народов СССР. Но дело это отнюдь нельзя рассматривать как «важнейшую» задачу одного института. Недаром на совещании в союзе писателей в феврале этого года было постановлено считать создание Истории советской литературы общим делом союза писателей, считать необходимо, чтобы президиум союза писателей принимал непосредственно участие в создании Истории, периодически вспоминая доклады о ходе работы и т. д.

А. М. Горький был прав, когда связывал вопрос о создании истории литературы с вопросом о воспитании нашей критики и вообще с характером литературной критики. Создание Истории советской литературы — это не частный вопрос критики и литературоведов, а проблема всей советской критики и литературоведов. Серьезное понимание того значения, которое имеет историческое изучение советской литературы, нехватает количества писателей, которых увлекают ваниами о самой советской литературе. А наша литературная критика на протяжении ряда лет, как писал Горький, оказывалась «не в курсе» той огромной ответственности, которая лежит на ней», предпочтительнее говорить о своих правах, нежели об обязанностях перед читателем.

А. М. Горький был прав, когда связывал вопрос о создании истории литературы с вопросом о воспитании нашей критики и вообще с характером литературной критики. Создание Истории советской литературы — это не частный вопрос критики и литературоведов, а проблема всей советской критики и литературоведов. Серьезное понимание того значения, которое имеет историческое изучение советской литературы, нехватает количества писателей, которых увлекают ваниами о самой советской литературе. А наша литературная критика на протяжении ряда лет, как писал Горький, оказывалась «не в курсе» той огромной ответственности, которая лежит на ней», предпочтительнее говорить о своих правах, нежели об обязанностях перед читателем.

На этом же совещании было констатировано, что целый ряд союзов писателей Украины, Грузии, Армении, Азербайджана, Казахстана и других ю сих пор не сумел обеспечить создание хотя бы кратких обобщающих исторических очерков по своим литературам, несмотря на то, что говорили на такие очерки с критиками и литературоведами существуют уже давно.

К этому следует добавить, что до сих пор нет учебника по современной литературе для взрослых, нет серьезной, исторически развернутой монографии ни об одном, даже самом крупном, советском писателе.

В нашей научной молодежи, аспирантуре литературных вузов Москвы и Ленинграда, аспирантуре педагогических вузов не воспитывается серьезное отношение к советской литературе. Защита докторских и кандидатских диссертаций молодым литературоведом на современную тему — редчайшее исключение.

Что больше: за все годы советской власти во всех вузах и научных институтах была защищена только одна (!) кандидатская диссертация, дающая свидетельство о возможности развития советской литературы. И то только русской литературы.

Немудрено, что создание Истории советской литературы движется с таким скри-

пом и что за десять лет с того времени, как этот вопрос практический поднял А. М. Горький, сделано в сущности очень мало.

В чем же дело? Разве у вас нет людей, талантливых критиков и научных работников в области литературы? Или нет у вас бумаги для таких книг, нет материальных и организационных возможностей? Есть у нас и талантливые критики и научные работники. В республиках эти годы выросло немало работников с высокой научной квалификацией, людей литературно образованных. Есть расместить и материальные и организационные возможности.

Чего же нехватает? Почему так мало времени ушло? Нехватает и у литературных организаций и у смежных научно-педагогических организаций, готовящих кадры критиков и литературоведов.

Серьезного понимания того значения,

которое имеет историческое изучение советской литературы, нехватает количества писателей, которых увлекают ваниами о самой советской литературе. А наша литературная критика на протяжении ряда лет, как писал Горький, оказывалась «не в курсе» той огромной ответственности, которая лежит на ней», предпочтительнее говорить о своих правах, нежели об обязанностях перед читателем.

Президиум союза писателей в упомянутом постановлении специально отметил,

что «журнал „Иллюстративный критик“ не проявляет никакого внимания и не оказывает помощи делу создания Истории советской литературы». Невнимание к вопросам истории советской литературы связано у руководящего критического журнала с недооценкой советской литературы, с отсутствием историзма в полюсе ее

изданий.

Если неподготовленность наших критиков и литературоведов бардов в работе обнаружилась в Москве, то еще больше она дает себя знать в республиках.

Но, как известно, никакие трудности

не嚇аивают сами собой. Руководящие литературные организации, республиканские союзы писателей, секции критиков, критические журналы обладают не

меньшими возможностями для того, чтобы

проявлять внимание опыта советской литературы.

Этот поворот должен привести

научное обогащение нашей критики, явившись формой воспитания наших критиков.

С ним неразрывно должен притеснить и к литературам народов ССР, поскольку будет развиваться и углубляться представление о советском литературном прошлом в целом.

Декада воспоминаний в каждом из нас

твое желание еще больше писать, еще

лучше творить.

Гигантское социалистическое строительство Москвы (ВСХВ, канал Москва — Волга, метро и т. д.), кипучая общественная жизнь красной столицы, ее молниеносный рост, огромный интерес, проявленный к нашей литературе, вызывают нас

ко многому. Мы долгое время будем жить

своими воспоминаниями о любимой Москве.

И это будет открывать нам все новые

и новые творческие горизонты.

Создание произведений, достойных наше

го времени, — это вопрос о развитии исторического мышления в нашей критике.

Об изучении великого опыта нашей литературы, литературы нового социалистического общества, мы должны заботиться, и это — завет

А. М. Горького всем нам.

Мы уверены, что наши братья —

русские писатели — будут оказывать нам

всемерную помощь в выполнении стоящих перед нами задач, заключая эти самые

достижения нашей декады. Мы эти задачи выполним, ибо нам руководят гениальными

вождем народов товарищем Сталиным.

Да здравствует ленинско-сталинская

культура народов, да здравствует сама

революция, самая революционная литература

мира — советская литература!

Да здравствует наш любимый вождь и

учитель, наш родной товарищ Сталин!

УЧАСТИКИ ДЕКАДЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ТВОРЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТУР

Письмо участников декады азербайджанской литературы

Мы, участники декады азербайджанской литературы, прощающиеся с красной столицей, считаем своим долгом выразить всей московской общественности нашу искреннюю благодарность.

Теплое гостеприимство, оказанное нам в красной столице нашей великой социалистической родины — в Москве, горячее братское и дружеское отношение к азербайджанским писателям никогда не будет забытыми нами. Мы чувствовали себя

как в гостях, а как в своей

домашней обстановке. Особенно велики были забо

та и любви, проявленные к нам во

время декады со стороны нашей больш

шой советской печати, со стороны газет

«Правда», «Известия», «Литературная газета», «Вечерняя Москва» и др. Постоянное присутствие на наших вечерах т. т.

А. Фадеева, М. Шагиняна, И. Лупшика, В. Луговского, А. Алалиса, П. Антокольского, П. Панченко, П. Скосырева, А. Леева, К. Липскера и др., близкое участие

всех в наших делах, дружеская помощь, — все это еще раз доказало не

забываемость ленинско-сталинской дружбы народов.

Мы собрались сегодня в Кремлевском Дворце, — говорит тов. Храпченко, — в честь показа в Москве театрализованного и музыкального искусства Ленинграда. Мастера искусства города Ленина демонстрировали в столице Советского Союза свое выдающееся мастерство, высокую театральную и музыкальную культуру. В показе участвовали старейшие русские театры —

театр драмы им. Пушкина и театр оперы и балета им. Кирова, целый ряд молодых коллективов, выросших после Великой Октябрьской Социалистической революции.

Бережно сохранив культурные ценности прошлого, город Ленинград создал замечательное новое искусство. За годы советской власти в Ленинграде выросло многочисленные

здания, которым гордится вся советская страна. Искусство и культура

Ленинграда, как и всей нашей страны, находятся здесь, в сердце нашей Родины. Сбылись наши мечты.

Мы всегда ощущаем огромное внимание и заботу о нас. Даже в дни напряженной борьбы с белофинами мы могли спокойно продолжать свою творческую работу, поскольку чувствуя честолюбие верного соратника товарища Сталина, — Андрея Александровича Молотова.

Словом преможается народному артисту УССР А. М. Пазовскому.

Мы, работники искусства города Ленина, — говорит он, — бесконечно счастливы тем, что приехали в Москву, находимся здесь, в сердце нашей Родины. Сбылись наши мечты.

Мы всегда ощущаем огромное внимание и заботу о нас. Даже в дни напряженной борьбы с белофинами мы могли спокойно продолжать свою творческую работу, поскольку чувствуя честолюбие верного соратника товарища Сталина, — Андрея Александровича Молотова.

Прием в Кремле участников показа театрального и музыкального искусства Ленинграда

Сегодня в номере:

1 стр. А. ДЕРМАН. Жестокое обращение писателя с самим собой. Л. КАРАГУШ. Север поэт. М. ЧАРНЫЙ. Природа и люди. Ганна ШАРИПОВА, Казиан БЕККУЖИН. Акын Доссан.

2 стр. В НАРКОМИНДЕЛЕ. СООБЩЕНИЕ ТАСС. Проф. М. БОГОЛЕПОВ. Война и мир в Америке. А. КУРЕЛЛА. Неподобный реализм. ИНФОРМАЦИЯ. Талантливая писательница. Узбекская поэзия на русском языке. Лермонтов и Ахундов. Детская драматургия.

3 стр. Б. РАГИНСКИЙ. Тема и повод. Б. ИВАНТЕР. Рассказы о происшествиях. Я. СМЕЛЯКОВ. За подлинно большую поэзию. С. ЖИСЛИНА. Славянские песни в Ойротии. Ал. ИВАЩЕНКО. К биографии В. Г. Белинского.

4 стр. А. ДЕРМАН. Жестокое обращение писателя с самим собой. Л. КАРАГУШ. Север поэт. М. ЧАРНЫЙ. Природа и люди. Ганна ШАРИПОВА, Казиан БЕККУЖИН. Акын Доссан.

5 стр. М. ГУС. Спорный, но поучительный спектакль. Б. РЕЙХ. Торжество фантазии. О. БЕСКИН. Живопись Николая Ромдина. Акын ЦЕРЕТЕЛИ. Книжал (стихи). Николай Ромдин. Акын ЦЕРЕТЕЛИ. Книжал (стихи).

6 стр. А. ЕВГЕНЬЕВ. Два дня в школе. Д. ВИШНЕВСКИЙ. Год труда и учебы. Я. ЭЛЬСБЕРГ. Черновики «Анны Карениной». Дм. ТРУНОВ. Порочная практика руководства. ИНФОРМАЦИЯ. Русские поэты Баку. Пушкинская комиссия СССР СССР. Литературные диссертации. Западная драматургия на советской сцене. Две пьесы о молодежи. Собрание ивановских писателей. «Кобзарь» по-немецки. Памяти Логинова-Тихоплесца.

Третья Сессия Верховного Совета РСФСР 1-го созыва

Информационное сообщение о заседании Третьей Сессии Верховного Совета РСФСР 1-го созыва

29 мая 1940 года

Непобедимый реализм

А. КУРЕЛЛА

На днях телеграф сообщил: немецкие войска заняли высоты Лоретт и Вими.

Странное совпадение: ровно 25 лет назад, молодым капитаном Рейнского полевого артиллерийского полка, лежал я там, в передовой линии высоты Вими, под ураганным огнем французов.

И в те же дни, на противоположной стороне, в только что занесенных немецкими окопах, «с посеревшим лицом, покрытым грязью, среди беспорядочного нагромождения убитых, раненых, валявшихся на земле, исковерканного оружия» лежал пехотинец 231 линейного полка Анри Барбюс. Именно в день 25 мая пробиралась он по разрушенным огнем позициям, по бывшим немецким окопам, читая надпись «Немецким воинам», «Почтовый ящик 1-й роты». Он изъяскал письма из разбросанных вокруг полевых сумок, письма из русских городов и деревень в пакетах солдатам нашего армейского корпуса.

Я не вспомнил бы об этом мрачном побеге, четверть века связывающем саму жизнь моих воспоминаний о войне с памятью о большом друге и с нынешними событиями, если бы на днях мне не довелось перечитать книгу: «Письма Анри Барбюса к жене, 1914—1917 год», изданную уже после его смерти. Книга и везде была случайной: мне хотелось установить, не похож ли этот документ, как тщели и затем разгорелось две искры, из которых горят спустя вспыхнула «Огонь», тот огонь, который первым запыхался на Западе, осветив мир военного хаоса, в дни десятков людей стоял факелом борьбы с империалистической войной. Меня мучил один вопрос — кто об этом теперь не думает? — вопрос о том, что же будет дальше? Собственно, не только с войной. Что будет чувствами и мыслями вовлеченные в войну миллионов? Что через год, через два произойдет в умах людей, противостоящих друг другу на полях сражений второй империалистической войны?

И книга Барбюса дает на это ответ!

Наклонула воспоминания. Как жива, встала передо мной картина одной страшной маёвой ночи, там, при Вими... Я должен был ползком пробираться к нашим скрепам. В сырой от росы траве, в отблеске световых ракет мерцали белые чашечки земляники. Они, невинные и беззаботные, пробирались между скречеными пальцами убитых, оставшихся здесь лежать после нашей контратаки, проведенной четырьмя для нас. Нашупав что-то липкое, я быстро отдернула руку... но это были всего лишь почки молодых голополых берес; их обтесанные огнем ветви отчаянно цеплялись за жизнь, свидетельствуя о вечной жизни природы и могуществе весны среди всеобщей смерти и разложения. Мой голос, вероятно, дрожал, когда я не сколько мгновений спустя передавал по телефону в батарею: «Салеры — на квадрате 4-в. Кто были эти салеры? Быть может, товарищи человека, который вечером 14 мая писал домой: «...потом окон становится все меньше: приходится сбрасывать Наконец, выхолнила на поле липкости... бросаешься в землю, так как вокруг поют птицы, мы словно в вольере. Рука настывает на мокрую траву, и подчас кажется, что лежишь в гигантском салатнике. Но надо рвать!.. Товарищи человека, или даже он сам — Анри Барбюс, который за несколько дней до этого писал: «И вспомнила же я на него на тво же мысли. В самом деле, кажется, что не может быть войны, этой чудовищной и главной, бесмысленной штуки, ни сражений, которые издали представляются тем, что они есть на самом деле — одной отромкой армии, дышащей на самоубийство! И все же она продолжается. Слишма кандала, трескоты винтовок... «Те же мысли и чувства в одно время, в одном месте, в двух разделенных смертью лагерях «одной армии, ищущей ее самоубийство!» И все же еще немало времени прошло, прежде чем пехотинец 231 полка взялся за перо, чтобы прокричать на весь мир то, что мысли и чувствовал тогда вслой солдат.

Знаменный писатель Анри Барбюс в первые же дни войны пошел добровольцем на фронт, хотя бы не подлежал призыва и легко мог окопаться в какой-нибудь штабной канцелярии. Но он с самого начала отверг все предложенные ему льготы, и

отказался от быстрого продвижения, упорно избегая общения с офицерами. Он хотел разделить участь рядового солдата. В его решении было немало романтики. Он вполне давал себе отчет в империалистическом характере войны, он лишь начал с того, что догадывалась. Еще в апреле 1915 г. Барбюс говорил: «Я верю в необходимость жертв в войне, являющейся войной социально-освободительной, подобной той, которая велась в 1792 г.». И именно это обосновывалось им просьбой оставить его на фронте.

Итак, Барбюс не без иллюзии лежал на фронте, и онпал жертвой демографических лозунгов «справедливой войны». В основном его отношение к жизни определялось тогда этикой, и прежде всего он был ветеран. Именно в дни самых сильных фронтовых переживаний, 25 лет тому назад, он с однаковым впечатлением отмечал три совершенных разнородных факта: первые из них: его смерть любими бородой собакой, о которой сообщила ему жена: «...Каков это было кроткое, благородное животное! Мое сердце сжалось при мысли об этой утрате» (19 июня 1915 г.); мертвены в окопах: «В окопах валяются трупы, которых некогда не убить, но покоронить. Их тупут... Но жутко ли! Мертвены, с которыми обходятся, словно с цыганской ведьмой?» (21 июня 1915 г.); осколки расщепленных стекол: «...Вокруг первых я наследил спустя пехотинца Андрея Барбюса перевели в территориальный полк. В декабре 1916 г. у него в ранге капитана изданную в Суассон, 7 декабря он участвует в бессмысленной атаке на немецкие позиции севернее Эн. Шесть дней продолжается сражение, закончившееся жутким отступлением французов. Переживший эти дни Барбюс заносит в дневник. В непосредственных, предназначенных лишь для себя, заметках бой изображен с той трезвостью и реализмом, которыми отличается написанный двумя годами позднее роман «В огне»..

Но и у Барбюса процесс этот долгое время протекал подсобнозательно. Новое складывалось в образы, а политическое сознание отставало от творческого прозрения художника. Но и у Барбюса процесс этот долгое время протекал подсобнозательно. Новое складывалось в образы, а политическое сознание отставало от творческого прозрения художника.

Из учебного лагеря в Альяя пехотинец Барбюс 18 декабря 1914 г. попадает на фронт. 2 января 1915 г. его полк приводится в Суассон, 7 декабря он участвует в бессмысленной атаке на немецкие позиции севернее Эн. Шесть дней продолжается сражение, закончившееся жутким отступлением французов. Переживший эти дни Барбюс заносит в дневник. В непосредственных, предназначенных лишь для себя, заметках бой изображен с той трезвостью и реализмом, которыми отличается написанный двумя годами позднее роман «В огне». На этих заметках обрывается дневник. Отныне писатель уже не может писать только для себя. Он должен кем-то поделиться своими наблюдениями, и вот война находит свое отражение в письмах. Не сразу, а спустя несколько дней, задним числом он рассказывает о битве при Суассоне.

Полк направляется на отдых. Сотни мелких наблюдений заносятся на бумагу, и еще явственные звучат протест. Но этот раз не война так таковая вызывает его: назначают новых командир. Но покидают покору на фронте, он муштрует измученных солдат на боевые манеры: параллы под проливным дождем, беспечальные переходы в полной выкладке, почные тревоги и, в довершение всего, — противоположная привычка под конец двадцатиподиального отъезда. «Бесчеловечные негомы!» пишет солдат Барбюс о начальнике.

Полк направляется на отдых. Сотни мелких наблюдений заносятся на бумагу, и еще явственные звучат протест. Но этот раз не война так таковая вызывает его:

назначают новых командир. Но покидают покору на фронте, он муштрует измученных солдат на боевые манеры: параллы под проливным дождем, беспечальные переходы в полной выкладке, почные тревоги и, в довершение всего, — противоположная привычка под конец двадцатиподиального отъезда. «Бесчеловечные негомы!» пишет солдат Барбюс о начальнике.

«В огне» — большая победа реализма. Несмотря на политические возврата мистика Барбюса и даже вопреки им, не-прикрашенная правда жизни, благодаря творческой силе художника, сумела привлечь внимание к своему произведению и отразить в своем гениальном произведении, придав ей труду в глазах тысяч людей совершенно иной смысл, чем ему придавал сам Барбюс-мыслитель. Творец Вольпата и его товарищей вскоре поддается влиянию своих же героев и вслед за ними вступает на великий путь интернациональной социалистической борьбы за свободу. Произведение определило для него судьбу.

М. Рафилов. (От наш. корр.).

ЛЬВОВ. (От наш. корр.).

ны с нашей лучшей внутренней сущностью и в действительности противоречиями нашему человеческому предназначению».

Опять на отдыхе. Солдат читает Виргилия и Фауста! Более того, он начинает писать. Но о чём он пишет? Пока неизвестно. Но там же находится врач, д-р Л. Барбюс проводит с ним несколько часов. «Он с самого начала войны ежедневно пишет по страницам своего романа „Остальцев“ — отмечает Барбюс в письме, датированном 1 августа 1915 г. Разгадка — писательница с мировым именем, чьи произведения переведены на все крупнейшие языки мира. Лиши в шляхетской Польше до последних дней ее бесславного существования произведения Ожешко находились под первым запретом.

И это неудивительно. Правящие классы были изгнаны из военнослужащих из советских гарнизонов, расположенных в соответствии с советско-литовским Договором о взаимопомощи, на территории Литовской Республики. Имеющиеся в распоряжении НКВД данные показывают, что эти «исчезновения» были организованы некоторыми лицами, пользуясьющимися покровительством органов литовского правительства.

Так, красноармеец-шофер Н. — скончавшийся в Балтийской Республике —

за последнее время имел место ряд случаев исчезновения военнослужащих из

советских гарнизонов, расположенных в соответствии с советско-литовским Договором о взаимопомощи, на территории Литовской Республики. Имеющиеся в распоряжении НКВД данные показывают, что эти «исчезновения» были организованы некоторыми лицами, пользуясьющимися покровительством органов литовского правительства.

И это неудивительно. Правящие классы были изгнаны из военнослужащих из

советских гарнизонов, расположенных в соответствии с советско-литовским Договором о взаимопомощи, на территории Литовской Республики. Имеющиеся в распоряжении НКВД данные показывают, что эти «исчезновения» были организованы некоторыми лицами, пользуясьющимися покровительством органов литовского правительства.

И это неудивительно. Правящие классы были изгнаны из военнослужащих из

советских гарнизонов, расположенных в соответствии с советско-литовским Договором о взаимопомощи, на территории Литовской Республики. Имеющиеся в распоряжении НКВД данные показывают, что эти «исчезновения» были организованы некоторыми лицами, пользуясьющимися покровительством органов литовского правительства.

И это неудивительно. Правящие классы были изгнаны из военнослужащих из

советских гарнизонов, расположенных в соответствии с советско-литовским Договором о взаимопомощи, на территории Литовской Республики. Имеющиеся в распоряжении НКВД данные показывают, что эти «исчезновения» были организованы некоторыми лицами, пользуясьющимися покровительством органов литовского правительства.

И это неудивительно. Правящие классы были изгнаны из военнослужащих из

советских гарнизонов, расположенных в соответствии с советско-литовским Договором о взаимопомощи, на территории Литовской Республики. Имеющиеся в распоряжении НКВД данные показывают, что эти «исчезновения» были организованы некоторыми лицами, пользуясьющимися покровительством органов литовского правительства.

И это неудивительно. Правящие классы были изгнаны из военнослужащих из

советских гарнизонов, расположенных в соответствии с советско-литовским Договором о взаимопомощи, на территории Литовской Республики. Имеющиеся в распоряжении НКВД данные показывают, что эти «исчезновения» были организованы некоторыми лицами, пользуясьющимися покровительством органов литовского правительства.

И это неудивительно. Правящие классы были изгнаны из военнослужащих из

советских гарнизонов, расположенных в соответствии с советско-литовским Договором о взаимопомощи, на территории Литовской Республики. Имеющиеся в распоряжении НКВД данные показывают, что эти «исчезновения» были организованы некоторыми лицами, пользуясьющимися покровительством органов литовского правительства.

И это неудивительно. Правящие классы были изгнаны из военнослужащих из

советских гарнизонов, расположенных в соответствии с советско-литовским Договором о взаимопомощи, на территории Литовской Республики. Имеющиеся в распоряжении НКВД данные показывают, что эти «исчезновения» были организованы некоторыми лицами, пользуясьющимися покровительством органов литовского правительства.

И это неудивительно. Правящие классы были изгнаны из военнослужащих из

советских гарнизонов, расположенных в соответствии с советско-литовским Договором о взаимопомощи, на территории Литовской Республики. Имеющиеся в распоряжении НКВД данные показывают, что эти «исчезновения» были организованы некоторыми лицами, пользуясьющимися покровительством органов литовского правительства.

И это неудивительно. Правящие классы были изгнаны из военнослужащих из

советских гарнизонов, расположенных в соответствии с советско-литовским Договором о взаимопомощи, на территории Литовской Республики. Имеющиеся в распоряжении НКВД данные показывают, что эти «исчезновения» были организованы некоторыми лицами, пользуясьющимися покровительством органов литовского правительства.

И это неудивительно. Правящие классы были изгнаны из военнослужащих из

советских гарнизонов, расположенных в соответствии с советско-литовским Договором о взаимопомощи, на территории Литовской Республики. Имеющиеся в распоряжении НКВД данные показывают, что эти «исчезновения» были организованы некоторыми лицами, пользуясьющимися покровительством органов литовского правительства.

И это неудивительно. Правящие классы были изгнаны из военнослужащих из

советских гарнизонов, расположенных в соответствии с советско-литовским Договором о взаимопомощи, на территории Литовской Республики. Имеющиеся в распоряжении НКВД данные показывают, что эти «исчезновения» были организованы некоторыми лицами, пользуясьющимися покровительством органов литовского правительства.

И это неудивительно. Правящие классы были изгнаны из военнослужащих из

советских гарнизонов, расположенных в соответствии с советско-литовским Договором о взаимопомощи, на территории Литовской Республики. Имеющиеся в распоряжении НКВД данные показывают, что эти «исчезновения» были организованы некоторыми лицами, пользуясьющимися покровительством органов литовского правительства.

И это неудивительно. Правящие классы были изгнаны из военнослужащих из

советских гарнизонов, расположенных в соответствии с советско-литовским Договором о взаимопомощи, на территории Литовской Республики. Имеющиеся в распоряжении НКВД данные показывают, что эти «исчезновения» были организованы некоторыми лицами, пользуясьющимися покровительством органов литовского правительства.

И это неудивительно. Правящие классы были изгнаны из военнослужащих из

советских гарнизонов, расположенных в соответствии с советско-литовским Договором о взаимопомощи, на территории Литовской Республики. Имеющиеся в распоряжении НКВД данные показывают, что эти «исчезновения» были организованы некоторыми лицами, пользуясьющимися покровительством органов литовского правительства.

И это неудивительно. Правящие классы были изгнаны из военнослужащих из

советских гарнизонов, расположенных в соответствии с советско-литовским Договором о взаимопомощи, на территории Литовской Республики. Имеющиеся в распоряжении НКВД данные показывают, что эти «исчезновения» были организованы некоторыми лицами, пользуясьющимися покровительством органов литовского правительства.

И это неудивительно. Правящие классы были изгнаны из военнослужащих из

советских гарнизонов, расположенных в соответствии с советско-литовским Договором о взаимопомощи, на территории Литовской Республики. Имеющиеся в распоряжении НКВД данные показывают, что эти «исчезновения» были организованы некоторыми лицами, пользуясьющимися покровительством органов литовского правительства.

И это неудивительно. Правящие классы были изгнаны из военнослужащих из

советских гарнизонов, расположенных в соответствии с советско-литовским Договором о взаимопомощи, на территории Литовской Республики. Имеющиеся в распоряжении НКВД данные показывают, что эти «исчезновения» были организованы некоторыми лицами, пользуясьющимися покровительством органов литовского правительства.

И это неудивительно. Правящие классы были изгнаны из военнослужащих из

советских гарнизонов, расположенных в соответствии с советско-литовским Договором о взаимопомощи, на территории Литовской Республики. Имеющиеся в распоряжении НКВД данные показывают, что эти «исчезновения» были организованы некоторыми лицами, пользуясьющимися покровительством органов литовского правительства.

Рассказы о происшествиях

Любое, даже как будто самое незначительное событие может стать поводом для рассказа. Для большого художника не существует мелких событий в человеческом мире, так же, как для ботаника их нет в мире растений. Все явления и события важны, потому что для умного наблюдателя и исследователя жизни каждого ее проявления — ключ к пониманию общих ее законов.

В книжке Николая Москвина пятый из хвалящих пяти поэмей маленький, на сей раз страницах, рассказывает о называемом «Поезд ушел». Действие его происходит в годы гражданской войны. Красноармеец едет с поездом, и пока он ходит за кипятком, поезд ушел, другой неизвестно когда будет. На станции случай сворует его с молодой женщины, у которой в военной суммите того времени неизвестно куда пропал муж. Мгновенная склонность и доверие друг к другу. Она приглашает его к себе переночевать, чтобы не ждать поезда здесь, в толще на станции. Он остается у нее. Она уговаривает его оставаться на лаве, на три дня. Ночью, проснувшись, он любуется ею, лежащей рядом, и уходит логотип свою часть, чтобы не быть лезертиром.

Грубый и схематичный пересказ не дает никакого представления в качестве этого очень хорошего рассказа Москвина.

В чем же суть? Таких эпизодов солдатского быта — немало в жизни, скажет о борьбе воинского долга и любви встречаются в литературе часто. Но, работая как исследователь жизни, писатель сделал тонкий срез в одном из бесчисленных жизненных узелков, и вот перед нами кусочек живой, движущейся, мышающей жизни, который позволяет нам судить о гораздо большем круге явлений, чем тот, который нам показан.

Очень многое хорошего в этом рассказе. Трогательная целомудренная страсть, в ней нет ни легкомыслия, ни цинизма.

«Три дня я не могу, — бормотал Ефим, поглядывая ее сплошь, меня ждут... без меня стрелять — лучше не стрелять! Один день вот я могу, — он обнимал ее. — Эх, вот нашел и потерялся!..

— А ты не теряй, — поглощала она его, — по шпалам и в царское время солдат запрещали бегать! А теперь тем более! Ну, скажешь, пошел за кипятком — все видели... Отстался. А поезд другой не идет!.. Три дня просидел на станции, поизговаривалась, поизносился — только на четвертые сутки и сел!..

Ты научишь, — проговорил Ефим, поворачиваясь к Варваре лицом, — ты на-учишь... Ты на-учишь... — разглядывал он один и те же слова, так как говорить сейчас не надо было. Улыбнувшись тотчас замолчала и Варвара».

Среди ночи он проснулся. Москвин с большим тактом, почти протокольно, описывает, как человек достал из кармана штанов махорку, как закурил, как тепло и удобно было лежать постели, как он глажил на Варвару, как он заснул.

«Посидел на табурете у ее изголовья. Постоял около кровати. Поглядел на себя: что бы такое подпарить Варюшку... Но ничего не нашел. Тогда, маунх руки, опустил свой жестиной чайник на табуретку. Открыл дверь и пошел к станции».

Но, как показывает название книги, в ней, кроме рассказа «Поезд ушел», напечатаны еще вдвадцать четыре рассказа. Угол зрения, под которым писатель рассматривает жизненные явления, в них совсем иной. И жизнь людей на большинстве рассказов Москвина представляется какой-то кунсткамерой, где собраны разные курьезы.

Вот рассказ «Чай». Описаны забастовки фабрикантов. Хозяин налил новых. Но забастовщики сорвали ему горючие. Они пришли как посетители, на весь день захватили столики и пили один только чай. Это, конечно, интересный случай. Занятно и то, что в ресторане второго разряда посетители-студенты, забавляясь, выпаривали

Николай Москвин. Двадцать пять рассказов. Советский писатель. Москва, 1940.

Б. РАГИНСКИЙ

Тема и повод

В маленьком рассказе О. Генри, под названием «Теория и практика», спорят между собой редактор и писатель-романтик. Литературные вкусы первого консервативны. Второй — последователь французских реалистов. Он утверждает, что люди во всех случаях жизни, даже в минуты больших потрясений, говорят житейским обычным языкам. В его романах отсутствует патетика, и поэтому редактор отказывается печатать их. Решено продержать опыт на полную ложку и поехал в Северному полуострову искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим всплеском бросается с колокольни? Все это неправда, и в действительности этого не бывает...

...я прочел описание приморского ресторана в большом городе. И сразу видно, что автору в ликовину и эта музыка, электрический свет, и розы в пептиках, что он сам любуется на них. Так — непрекрасно. Нужно ступить вне этих вещей, хотя знать их хорошо, до мелочи, но глядеть на них как бы с презрением сверху вниз. И выйдет верно».

Процесс превращения Чехотина в Чехова — это победоносная борьба большого героя против мелкого повода, слугой которого является сибирская литература. Чехов ратовал за обычный, хорошо извеcтный читателю материал, но он горячо протестовал против материала «самого собою разумеющегося». В письмах к брату Александру и писателью И. Л. Шеглову Чехов много раз выступает против «отставных капитанов с красными носами, позыванных девиц и турниров». Он был прямо-таки безжалостен, когда видел, что автор привык читателю материалом летальными ходами прикрыть отсутствие темы будущей вещи. Закон этот особенно важен для жанра новеллы, потому что короткий рассказ легче написать по мелкому поводу и мимо темы.

Аnekdot, экзотика, фабульные варианты — все это средства, с помощью которых можно обойти тему. Малая форма предоставляет больше возможностей для такого обхода.

С очень давних пор существует убеждение в том, что новелла должна содержать элементы необычного, «неслыханного», как говорил Гете.

В конце XVIII и начале XIX века романтические школы в различных странах провозглашали право новеллы на анекдотичность и экзотику. Переводный момент был новелла Мериме. Здесь реали-

стическая ощущаемая тема спорит с экзотическим материалом. Окончательно утверждены в правах реалистическую новеллу Москвина и Чехова. Монассас наставила на то, что материалом литературы должны быть вещи, хорошо знакомые читателю. А. И. Куприн вспоминает также высказывания Чехова:

«Зачем это писать, — недоумевал он: — что кто-то сел на подводную ложку и поехал в Северному полуострову искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим всплеском бросается с колокольни? Все это неправда, и в действительности этого не бывает...

...я прочел описание приморского ресторана в большом городе. И сразу видно, что автору в ликовину и эта музыка, электрический свет, и розы в пептиках, что он сам любуется на них. Так — непрекрасно. Нужно ступить вне этих вещей, хотя знать их хорошо, до мелочи, но глядеть на них как бы с презрением сверху вниз. И выйдет верно».

Процесс превращения Чехотина в Чехова — это победоносная борьба большого героя против мелкого повода, слугой которого является сибирская литература. Чехов ратовал за обычный, хорошо извеcтный читателю материал, но он горячо протестовал против материала «самого собою разумеющегося». В письмах к брату Александру и писателью И. Л. Шеглову Чехов много раз выступает против «отставных капитанов с красными носами, позыванных девиц и турниров». Он был прямо-таки безжалостен, когда видел, что автор привык читателю материалом летальными ходами прикрыть отсутствие темы будущей вещи. Закон этот особенно важен для жанра новеллы, потому что короткий рассказ легче написать по мелкому поводу и мимо темы.

Аnekdot, экзотика, фабульные варианты — все это средства, с помощью которых можно обойти тему. Малая форма предоставляет больше возможностей для такого обхода.

С очень давних пор существует убеждение в том, что новелла должна содержать элементы необычного, «неслыханного», как говорил Гете.

В конце XVIII и начале XIX века романтические школы в различных странах провозглашали право новеллы на анекдотичность и экзотику. Переводный момент был новелла Мериме. Здесь реали-

стическая ощущаемая тема спорит с экзотическим материалом. Окончательно утверждены в правах реалистическую новеллу Москвина и Чехова. Монассас наставила на то, что материалом литературы должны быть вещи, хорошо знакомые читателю. А. И. Куприн вспоминает также высказывания Чехова:

«Зачем это писать, — недоумевал он: — что кто-то сел на подводную ложку и поехал в Северному полуострову искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим всплеском бросается с колокольни? Все это неправда, и в действительности этого не бывает...

...я прочел описание приморского ресторана в большом городе. И сразу видно, что автору в ликовину и эта музыка, электрический свет, и розы в пептиках, что он сам любуется на них. Так — непрекрасно. Нужно ступить вне этих вещей, хотя знать их хорошо, до мелочи, но глядеть на них как бы с презрением сверху вниз. И выйдет верно».

Процесс превращения Чехотина в Чехова — это победоносная борьба большого героя против мелкого повода, слугой которого является сибирская литература. Чехов ратовал за обычный, хорошо извеcтный читателю материал, но он горячо протестовал против материала «самого собою разумеющегося». В письмах к брату Александру и писателью И. Л. Шеглову Чехов много раз выступает против «отставных капитанов с красными носами, позыванных девиц и турниров». Он был прямо-таки безжалостен, когда видел, что автор привык читателю материалом летальными ходами прикрыть отсутствие темы будущей вещи. Закон этот особенно важен для жанра новеллы, потому что короткий рассказ легче написать по мелкому поводу и мимо темы.

Аnekdot, экзотика, фабульные варианты — все это средства, с помощью которых можно обойти тему. Малая форма предоставляет больше возможностей для такого обхода.

С очень давних пор существует убеждение в том, что новелла должна содержать элементы необычного, «неслыханного», как говорил Гете.

В конце XVIII и начале XIX века романтические школы в различных странах провозглашали право новеллы на анекдотичность и экзотику. Переводный момент был новелла Мериме. Здесь реали-

стическая ощущаемая тема спорит с экзотическим материалом. Окончательно утверждены в правах реалистическую новеллу Москвина и Чехова. Монассас наставила на то, что материалом литературы должны быть вещи, хорошо знакомые читателю. А. И. Куприн вспоминает также высказывания Чехова:

«Зачем это писать, — недоумевал он: — что кто-то сел на подводную ложку и поехал в Северному полуострову искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим всплеском бросается с колокольни? Все это неправда, и в действительности этого не бывает...

...я прочел описание приморского ресторана в большом городе. И сразу видно, что автору в ликовину и эта музыка, электрический свет, и розы в пептиках, что он сам любуется на них. Так — непрекрасно. Нужно ступить вне этих вещей, хотя знать их хорошо, до мелочи, но глядеть на них как бы с презрением сверху вниз. И выйдет верно».

Процесс превращения Чехотина в Чехова — это победоносная борьба большого героя против мелкого повода, слугой которого является сибирская литература. Чехов ратовал за обычный, хорошо извеcтный читателю материал, но он горячо протестовал против материала «самого собою разумеющегося». В письмах к брату Александру и писателью И. Л. Шеглову Чехов много раз выступает против «отставных капитанов с красными носами, позыванных девиц и турниров». Он был прямо-таки безжалостен, когда видел, что автор привык читателю материалом летальными ходами прикрыть отсутствие темы будущей вещи. Закон этот особенно важен для жанра новеллы, потому что короткий рассказ легче написать по мелкому поводу и мимо темы.

Аnekdot, экзотика, фабульные варианты — все это средства, с помощью которых можно обойти тему. Малая форма предоставляет больше возможностей для такого обхода.

С очень давних пор существует убеждение в том, что новелла должна содержать элементы необычного, «неслыханного», как говорил Гете.

В конце XVIII и начале XIX века романтические школы в различных странах провозглашали право новеллы на анекдотичность и экзотику. Переводный момент был новелла Мериме. Здесь реали-

стическая ощущаемая тема спорит с экзотическим материалом. Окончательно утверждены в правах реалистическую новеллу Москвина и Чехова. Монассас наставила на то, что материалом литературы должны быть вещи, хорошо знакомые читателю. А. И. Куприн вспоминает также высказывания Чехова:

«Зачем это писать, — недоумевал он: — что кто-то сел на подводную ложку и поехал в Северному полуострову искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим всплеском бросается с колокольни? Все это неправда, и в действительности этого не бывает...

...я прочел описание приморского ресторана в большом городе. И сразу видно, что автору в ликовину и эта музыка, электрический свет, и розы в пептиках, что он сам любуется на них. Так — непрекрасно. Нужно ступить вне этих вещей, хотя знать их хорошо, до мелочи, но глядеть на них как бы с презрением сверху вниз. И выйдет верно».

Процесс превращения Чехотина в Чехова — это победоносная борьба большого героя против мелкого повода, слугой которого является сибирская литература. Чехов ратовал за обычный, хорошо извеcтный читателю материал, но он горячо протестовал против материала «самого собою разумеющегося». В письмах к брату Александру и писателью И. Л. Шеглову Чехов много раз выступает против «отставных капитанов с красными носами, позыванных девиц и турниров». Он был прямо-таки безжалостен, когда видел, что автор привык читателю материалом летальными ходами прикрыть отсутствие темы будущей вещи. Закон этот особенно важен для жанра новеллы, потому что короткий рассказ легче написать по мелкому поводу и мимо темы.

Аnekdot, экзотика, фабульные варианты — все это средства, с помощью которых можно обойти тему. Малая форма предоставляет больше возможностей для такого обхода.

С очень давних пор существует убеждение в том, что новелла должна содержать элементы необычного, «неслыханного», как говорил Гете.

В конце XVIII и начале XIX века романтические школы в различных странах провозглашали право новеллы на анекдотичность и экзотику. Переводный момент был новелла Мериме. Здесь реали-

стическая ощущаемая тема спорит с экзотическим материалом. Окончательно утверждены в правах реалистическую новеллу Москвина и Чехова. Монассас наставила на то, что материалом литературы должны быть вещи, хорошо знакомые читателю. А. И. Куприн вспоминает также высказывания Чехова:

«Зачем это писать, — недоумевал он: — что кто-то сел на подводную ложку и поехал в Северному полуострову искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим всплеском бросается с колокольни? Все это неправда, и в действительности этого не бывает...

...я прочел описание приморского ресторана в большом городе. И сразу видно, что автору в ликовину и эта музыка, электрический свет, и розы в пептиках, что он сам любуется на них. Так — непрекрасно. Нужно ступить вне этих вещей, хотя знать их хорошо, до мелочи, но глядеть на них как бы с презрением сверху вниз. И выйдет верно».

Процесс превращения Чехотина в Чехова — это победоносная борьба большого героя против мелкого повода, слугой которого является сибирская литература. Чехов ратовал за обычный, хорошо извеcтный читателю материал, но он горячо протестовал против материала «самого собою разумеющегося». В письмах к брату Александру и писателью И. Л. Шеглову Чехов много раз выступает против «отставных капитанов с красными носами, позыванных девиц и турниров». Он был прямо-таки безжалостен, когда видел, что автор привык читателю материалом летальными ходами прикрыть отсутствие темы будущей вещи. Закон этот особенно важен для жанра новеллы, потому что короткий рассказ легче написать по мелкому поводу и мимо темы.

Аnekdot, экзотика, фабульные варианты — все это средства, с помощью которых можно обойти тему. Малая форма предоставляет больше возможностей для такого обхода.

С очень давних пор существует убеждение в том, что новелла должна содержать элементы необычного, «неслыханного», как говорил Гете.

В конце XVIII и начале XIX века романтические школы в различных странах провозглашали право новеллы на анекдотичность и экзотику. Переводный момент был новелла Мериме. Здесь реали-

стическая ощущаемая тема спорит с экзотическим материалом. Окончательно утверждены в правах реалистическую новеллу Москвина и Чехова. Монассас наставила на то, что материалом литературы должны быть вещи, хорошо знакомые читателю. А. И. Куприн вспоминает также высказывания Чехова:

«Зачем это писать, — недоумевал он: — что кто-то сел на подводную ложку и поехал в Северному полуострову искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим всплеском бросается с колокольни? Все это неправда, и в действительности этого не бывает...

...я прочел описание приморского ресторана в большом городе. И сразу видно, что автору в ликовину и эта музыка, электрический свет, и

Торжество фантазии

Спектакль кончился слишком рано. Хотелось простоять еще часок с Лопе де Вега и Акимовым. Это было увлекательный вечер. Настроение его долго не теряется, хотя актеры ленинградского театра «Комедия», игравшим в этом спектакле, высокая фантазия Лопе де Вега и не всегда по силам. Их не назовешь артистами-художниками. Это лишь исполнители ролей, приятные и вполне грамотные исполнители, которые знают свою сценическую задачу и добросовестно ее выполняют, но не вносят в свое исполнение ничего индивидуального-творческого, личного. У некоторых, правда, заметны более четкие, более сильные штрихи: у А. В. Савостьянова — Камило, изобретника прекрасной валенсийской любви Леонарда, пожалуй, еще у М. П. Барбадовой — Сельи, покинутой возлюбленной Камило.

Беньяминов, который играл Валерию, одного из неотъемных поклонников Леонарда, составляет исключение. В его манере игры звучит индивидуальная пота.

Серванте называл своего счастливого соперника в драматургии «monstre de la nature» («тупом природы»). Это испанское выражение метко определяет талант Лопе де Вега, чудесно-увлекательный и беспомощный. Свообразие его чувствуется в «Валенсийской любви» (такие комедии Лопе, когда были в узде, писал за один день). Уже со второй сцены первого действия, когда любовь (конечно, неописуемо прекрасная и очень богатая) решительно отказывается даже говорить о новом браке, театр может бесподобно пререкать развязку: Леонарда, конечно, выйдет замуж, и, конечно, за прекрасного и благородного юношу.

Развязка известна, шаблонна, но, может быть, оригинально, захватывающе развивает приводящих к ней событий? Нет, пьеса полна ситуаций, наизусть известных по испанской драме, да и во всей вообще мировой литературе: передевание, замаскированные возлюбленные, немордрумения, испытанная ревности, подлинники, сепарации. На каждом шагу встречаешь давно-давно знакомые фигуры: хитрых молодых красавиц, восхитительных дядюшек, пламенный влюбленный, истомленные неудачной любовью поклонники, ловкий паж. Кажется все это явно присущим фантазии. А зрители не только улыбаются, но и смеются, радостно и от всего сердца.

Сценическую ситуацию в доме Леонарды, в которой приводят все события первой части комедии, и на которой возникает дальнейшее развитие событий, можно было бы перенести в любую испанскую пьесу. Паж Леонарды, Урбан, по приказу своей госпожи приводит Камило ночью в ее дом. Вот он стоит, неуловимый «слепец», с капюшоном, налинутым на глаза. Леонарда принимает его в маске. Непонятный он срывается капюшон, чтобы узнать, кто же прислаивший его дама, где же он находится. Но — свет в комедии из-за акимовской интерпретации Камило не только улыбается, но и смеется, радостно и от всего сердца.

Согласитесь он, вероятно, с тем, что у Лопе де Вега Камило — не профессиональный Дон-Жуан, не пустой и ветреный красавчик, а темпераментный, нетерпеливый влюбленный, замысловатый пламенным огнем любви, более серьезной, чем он сам подозревает. Вспомним хотя бы, как он рассказывает: Вспомним хотя бы, как Леонарда принимает его в маске. Непонятный он срывается капюшон, чтобы узнать, кто же прислаивший его дама, где же он находится. Но — свет в комедии из-за акимовской интерпретации Камило не только улыбается, но и смеется, радостно и от всего сердца.

Зачем вся эта таинственность? Любовь современных Лопе, какой-нибудь талантливый драматург, обняв такую ситуацию, сказал бы: Леонарда бережет свое доброе имя и не смешает показать возлюбленную умом. Это ясно и понятно, и любая испанская дама сделала бы на ее месте то же самое.

Но Лопе де Вега ответил бы иначе. Он скажет бы: конечно, она не имеет показаться Камило, чтобы не помять свою честь. Ведь эти молодые изыди тоже любят хвастаться своими победами! Но моя Леонарда кроме того и не хочет ему показываться. Она хочет быть любимой настоящей любовью, хочет, чтобы возлюбленный чувствовал ее, как человека, хочет любви без нескромных присосований и взоров. Когда Камило увидел, что паж Урбан, еле ногой вождя, лицом прислуживает старой и безобразной женщины, он все-таки должен верить красоту своей почтной возлюбленной, скрывающейся под маской.

— Видите, — сказал бы Лопе де Вега, — в этом и заключается разница между «любой испанской ладонью» и моей Леонардой, созданной моей фантазии, моей мечтой.

Мы можем добавить: и между любым испанским комедиографом и гениальным Лопе де Вега.

Гослитиздат выпускает книгу А. Перевезова «Над Кубанью». На снимке: иллюстрации к книге работы худ. Глуховцева.

О. БЕСКИН

Живописец Николай Ромадин

Живопись Николая Ромадина раздвигает на большом пути советского искусства. На том пути, который отнесен страстью к творческим исканиям, борьбой за это беспокойство не во сто крат ценнее гениальности упомянутых тех гладких художников, которые все знают, все умеют, в меру уважаемы, но никем не любимы, и самим ничего не любят?

«Настоящий законополагающий художник стремится к художественной правде; беспринципный, — который следует слепо побуждению, к правдоподобию; первый приводит искусство не вышеупомянутым, второго — на изнанку» (Гете, «Введение в «Проприи»). На выставке Ромадина предстоит вновь и вновь, чтобы еще раз встретиться с рядом произведений, привлекающих своей глубокой искренностью, прямолинейностью и блеском, — общественного спокойствия — обращенными правдой подлинно реалистического искусства, противостоящей купной внешней «похожести» натураллистических картинок, столь обычно еще, в сожалении, производимых в нашем искусстве.

Вполне естественно, что выставка эта, как значительное явление нашего изобразительного искусства, творчески активизирует споры о выдающихся методом симпатического реализма. Вокруг нее бурлит водоворот противоречивых мнений. Опытные ученые сразу различают, что за Ромадина в теории социалистического реализма понимают как углубленный и многогранный метод образного раскрытия действительности, а против те, кто пытаются понимание социалистического реализма упростить.

Это не означает, что в критических замечаниях последних нет известной доли справедливости. Можно и должно вместе с ними потребовать от Ромадина более строгого отношения к рисунку, особенно когда это относится к человеческой фигуре. Можно и должно упрекнуть некоторые из его произведений за излишнюю зависимость от старых художников. В некоторах портретах (особенно в портрете бледрины Лепешинской) хотелось бы видеть больше прямого, если можно так выразиться, «документального» сходства...

Но тот, кто внимательно рассматривает произведения художника, не пройдет мимо датировки вещей, легко убедится, что эти отрицательные моменты, по мере приближения к сегодняшнему дню, все больше преодолеваются, исчезают и отнюдь не мешают воспринять фигуру Николая Ромадина в качестве яркого образа живописи, как полной жизни и принципиального интереса для становления реалистического советского искусства.

Самое главное, — что Акимов-режиссер, так же, как Акимов-декоратор — наставник своеобразный и многосторонний художник. В его декорациях плещет заряжающая энергия пластических, выразительных и полных жизни форм спокойного величия красоты. Самое главное — это фантазия — его стихия, в которой он чувствует себя, как человек, хочет любви без нескромных присосований и взоров. Когда Камило увидел, что паж Урбан, еле ногой вождя, лицом прислуживает старой и безобразной женщины, он все-таки должен верить красоту своей почтной возлюбленной, скрывающейся под маской.

— Видите, — сказал бы Лопе де Вега, — в этом и заключается разница между «любой испанской ладонью» и моей Леонардой, созданной моей фантазии, моей мечтой.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да, хотелось бы простоять еще часок в обществе Лопе де Вега и Акимова. Их талант перенес нас на один вечер в страну настоящего, полного фантазии и обаяния искусства.

Да,

ДВА ДНЯ В ШКОЛЕ

На испытаниях по литературе

Можно ли научить детей любить литературу, привить им хороший литературный вкус? Бессспорно. Преподаватели-словесники 123-й школы Советского района (Москва) правильно рассматривают это требование как основную свою педагогическую задачу. Перед столом экзаменационной комиссии (которая, к слову сказать, излишне велика из-за обилия разного рода «представителей» и поэтому производит на некоторых школьников устрашающее впечатление) стоит ученик П. В. его билете — «Творческий путь Александра Блока». П. знаком с фактами литературной деятельности великого русского поэта и излагает их довольно точно. Но нескрываемая ирония, пренебрежение, даже презрение, например, он говорит о «культе службы прекрасной dame». Любит ли ученик Блока?

— Нет, — отвечает П., — не люблю. Какой-то он... несознательный. Маяковский? Ну, к Маяковскому относится немножко иначе... Но и Маяковский не захаживает П. Он отвечает на вопросы, явно отбываю «повинность».

Может быть, самое радостное, что выносишь из школьных испытаний, твердое убеждение в том, что П. — исключение. Он один проявил такую ограниченность.

В четырех десятых классах очень много разных людей. Школьники Россианов сдаст, например, испытания на таком высоком уровне, что даже в объеме универсальной программы он мог бы сдать экзамен, если не на «отлично», то во всяком случае на «хорошо». Он не знает, в чем Михайловский обманул Чехова? Так ли это важно? Оно протестует Михайловского поэтом. Важно, что он понимает литературу, любит ее и рассуждает о ней не подспудно.

Ученик Любимов отвечает на вопросы о Шекспире. Ему выпал «Король Лир». Волнуясь, он просит комиссии не перебивать его. Он начинает подробно рассказывать о происхождении шекспировского театра, о его характере, особенностях. Никто не думает перебивать его. Любимов в самом увлечении рассказом. Выяснилось, что прочел он целую книжку статей об елизаветинцах и многие пьесы Шекспира, не входящие в школьную программу. Но, может быть, Любимову просто «поведали» о библиотеке? Нет, он и Горького читал гораздо больше, чем это требуется в школе. Он делится с

А. ЕВГЕНЬЕВ.

Порочная практика руководства

Успехи дагестанской литературы были бы значительно выше, если бы союз писателей республики серьезно и по-деловому помогал писателям в их творческой работе.

Для Дагестана характерно многоязычье. В республике живут татары, лезгины, кумыки, даргинцы, аварцы, табасаранцы и другие народности. Произведения татарского поэта понимают, как правило, только татары, лезгинские — лезгины. Отсюда вывод: национальный автор, особенно начинаящий, должен состоять в соответствующем его зоне творческой секции, где ему помогут, обсудят его произведения, указают на недостатки. К сожалению, об этом писатели лишь мечтают.

При союзе писателей Дагестана написанные секции созданы давно. Существуют аварская, кумыкская, тюркская, лезгинская, табасаранская секции. Есть руководители этих секций. Нет только работы. Татарский поэт и драматург Мини Бахшиев написал две пьесы. Ни одна из них не была обсуждена в татарской секции. Автарский народный поэт Гамзат Цадасса написал десятки стихов. Почему бы не собрать секцию и не обсудить их? Это было бы хорошей школой для начинаящих поэтов-аварцев. Лезгинская секция не посвятила ни одного своего заседания творчеству «Гомера XX века» — Сулеймана Стальского.

Молодые писатели предоставлены сами себе. Некоторые из них печатаются в районных газетах слабые, недоработанные, а иногда и малограмматичные стихи. Читатель возмущается, а руководители союза заявляют в этом отношении позицию равнодушных созерцателей.

Единственно, чем занимаются секции, — это поспешишь рекомендацией своих членов в союз писателей. А президиум союза, полагаясь на секции, голосует «за», часто не зная ни писателя, ни его творчества. Таким образом принят в союз немало товарищей.

Руководители союза увлеклись погоней за количеством членов. В этом и заключены причины порочной практики приема.

Дм. ТРУНОВ

МАХАЧ-КАЛА (От наш. корр.)

Русские поэты Баку

На состоявшемся 27 мая в клубе писателей лекции поэтов выступили со своими стихами русские поэты, живущие в Баку. — И. Оратовский и С. Иванов.

В обсуждении их творчества приняли участие В. Луговской, С. Галкин, П. Панченко, А. Ширшт. В. Заягинцева, С. Нельдикен, критик Азиз Шериф и писатель-бакинец М. Камский.

— Стихи Оратовского и Иванова, — сказал С. Галкин, — интересны. Почти все прочитанные ими стихи звучат убедительно и искренно. Лирическое стихотворение Оратовского «Следы» и главы из поэмы Иванова о Низами являются художественно полноценными вещами, свидетельствующими о несомненной одаренности их авторов.

В поэме Иванова о Низами, — сказал Луговской, — есть яркий обаятельный облик великого классика Азербайджана. Автор поэмы сумел, не впадая в ложную стилизацию, убедительно донести голос древнего поэта до наших дней. сумел органически слить песни великого поэта с ходом сюжетного повествования всей песни.

Поэма о Низами является первой крупной венцом русского поэта о бессмертном азербайджанском классике. Она интересна и мистами, особенно в главе «Гюльсара», глубоко поэтична.

Отметив заслуги поэтов как основных первопроходцев азербайджанской поэзии, Луговской в заключение высказал мысль о необходимости поддерживать более тесную творческую связь с поэтами Баку.

Сочинения А. С. Грибоедова

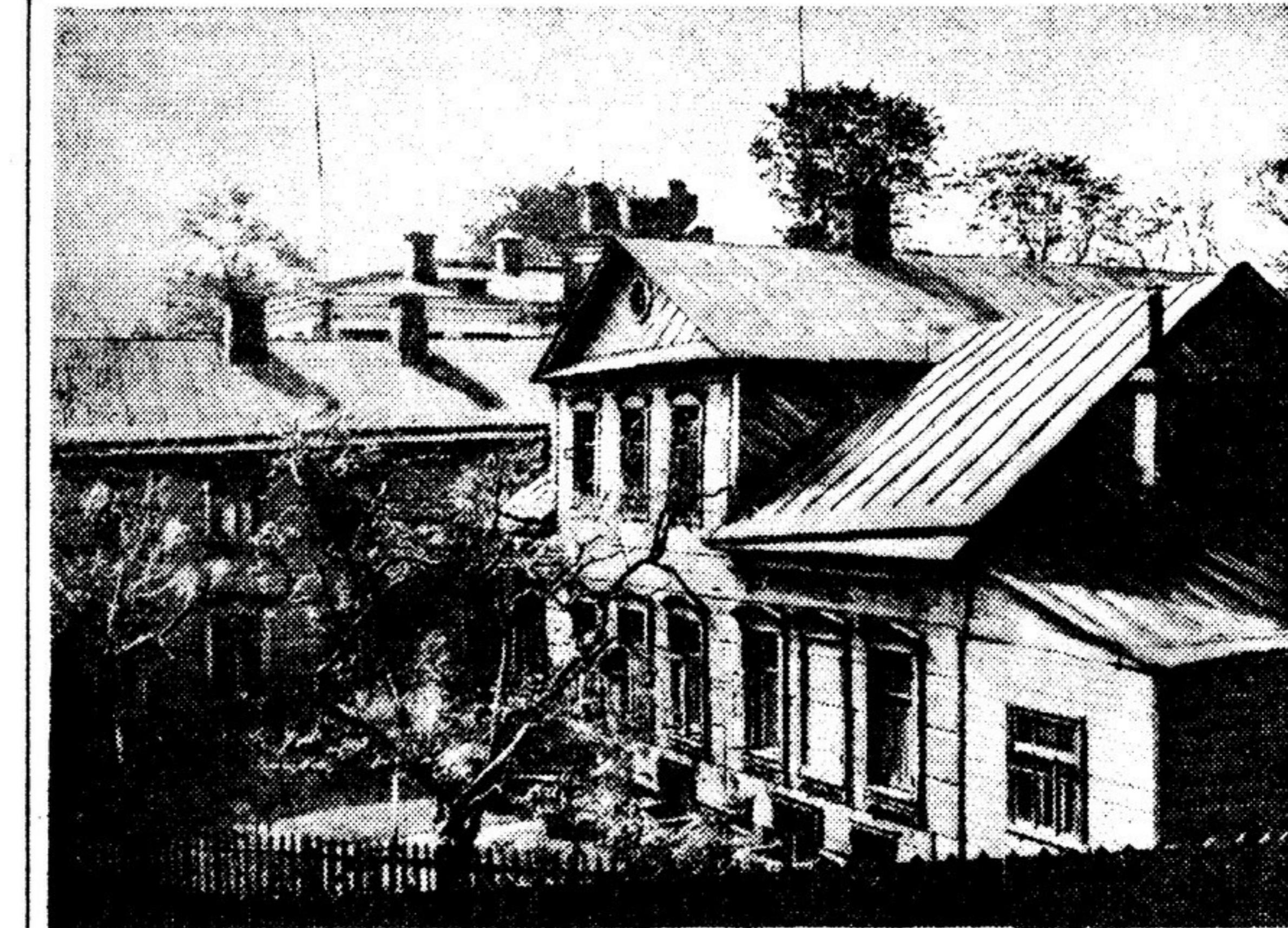
Государственное издательство «Художественная литература» выпустило в одном томе сочинения А. С. Грибоедова. Настоящее издание является первым советским изданием всех сочинений поэта.

Однотомник вышел с красочным портретом А. С. Грибоедова и с предисловием, написанным В. Орловым, которому принадлежит редакция этого издания. В книге дана также хронологическая календарная дата жизни А. С. Грибоедова.

Характеристики, обнажая многогранность и сложность характеров, так же, как он удаляет бытовые описательные подробности, мешающие драматической драме Анны, выступить на первый план. Брюсовский церест, неизвестен, узнав, что в таких выражениях автор «Анны Карениной» описывал в черновиках роман своих герояев — Анну, тогда еще носящую фамилию Ставрович, и Брюсова, тогда называемого еще Балашевым.

Слова о необычайной, естественной и пристойной жизненности, свойственной художественному миру, созданному Толстым, давно стали общим местом. С тем, большими интересами следили по черновикам одного из толстовских шедевров за тем, как постепенно в сознании и под пером гениального художника складывалась этот мир. Мы видим, как формируются немые образы людей, как становятся они на свое место.

Изображая в своем романе работу художника Михайлова на одной из фигур его картины, Толстой говорит: «Он (Михайлов... — А. З.) как бы снимал с нее те покровы, из-за которых она не вся была видна...». Читая варианты и черновики «Анны Карениной» и сопоставляя их с окончательным текстом, присутствующим как бы при таком «снятии покровов». В соответствии с основными принципами своей художественной системы, Толстой убирает все внешние, резкие, опеночные

Дом, в котором жил А. Н. Островский. На снимке внутренний двор дома № 8 по Житной ул. (Москва), где А. Н. Островский провел гимназические годы и первый год пребывания в Московском университете. Фото В. Яншина.

Год труда и учебы

Литературное обединение при харьковском союзе писателей подвело итоги первого года своей работы.

Отрадно было присутствовать на заключительном вечере обединения. Отрадно потому, что ясно видны плоды проделанной за год работы.

Об единение пришли литераторы одаренные творческими способностями, изучение которых должно быть уделяено значительное место.

Отрадно было присутствовать на заключительном вечере обединения. Отрадно потому, что ясно видны плоды проделанной за год работы.

Будущее обединения обещало быть интересным. Следует отметить, что ученики, приходящие на выступления, дают обильные отзывы.

Интересные стихи на заключительном вечере читали Бакуненко, Росликий, Паливцев, совсем молодые по возрасту Урик и Тютюнник. Запомнились рассказы Себко и Харченко, прочитанные авторами.

Работа литературного обединения обсуждалась на собраниях партийной и комсомольской организаций союза писателей, на заседаниях президиума. К сожалению, мало интересовалась жизнью обединения областная и городская комсомольская организация.

Очевидно поэтому, а также отчасти и по вина руководителей обединения не удалось наладить систематического выпуска литературной странички в областной комсомольской газете «Лінійка Зімна».

Президиум харьковской областной организации СССР признал работу литературного обединения вполне удовлетворительной.

После летнего перерыва молодые литераторы снова встретятся в Харьковском клубе писателей, чтобы начать новый творческий год, год литературных споров и напряженной учебы.

Д. ВИШНЕВСКИЙ.

ХАРЬКОВ. (От наш. корр.).

Пушкинская комиссия СССР СССР

По инициативе писателей и литераторов при правлении союза советских писателей состоялась встреча союзных писателей, живущих в Баку. — И. Оратовский и С. Иванов.

В обсуждении их творчества приняли участие В. Луговской, С. Галкин, П. Панченко, А. Ширшт. В. Заягинцева, С. Нельдикен, критик Азиз Шериф и писатель-бакинец М. Камский.

— Стихи Оратовского и Иванова, — сказал С. Галкин, — интересны. Почти все прочитанные ими стихи звучат убедительно и искренно. Лирическое стихотворение Оратовского «Следы» и главы из поэмы Иванова о Низами являются художественно полноценными вещами, свидетельствующими о несомненной одаренности их авторов.

В поэме Иванова о Низами, — сказал Луговской, — есть яркий обаятельный облик великого классика Азербайджана. Автор поэмы сумел, не впадая в ложную стилизацию, убедительно донести голос древнего поэта до наших дней. сумел органически слить песни великого поэта с ходом сюжетного повествования всей песни.

Поэма о Низами является первой крупной венцом русского поэта о бессмертном азербайджанском классике. Она интересна и мистами, особенно в главе «Гюльсара», глубоко поэтична.

Отметив заслуги поэтов как основных первопроходцев азербайджанской поэзии, Луговской в заключение высказал мысль о необходимости поддерживать более тесную творческую связь с поэтами Баку.

Сочинения А. С. Грибоедова

Государственное издательство «Художественная литература» выпустило в одном томе сочинения А. С. Грибоедова. Настоящее издание является первым советским изданием всех сочинений поэта.

Однотомник вышел с красочным портретом А. С. Грибоедова и с предисловием, написанным В. Орловым, которому принадлежит редакция этого издания. В книге дана также хронологическая календарная дата жизни А. С. Грибоедова.

Характеристики, обнажая многогранность и сложность характеров, так же, как он удаляет бытовые описательные подробности, мешающие драматической драме Анны, выступить на первый план. Брюсовский церест, неизвестен, узнав, что в таких выражениях автор «Анны Карениной» описывал роман своих герояев — Анну, тогда еще носящую фамилию Ставрович, и Брюсова, тогда называемого еще Балашевым.

Слова о необычайной, естественной и пристойной жизненности, свойственной художественному миру, созданному Толстым, давно стали общим местом. С тем, большими интересами следили по черновикам одного из толстовских шедевров за тем, как постепенно в сознании и под пером гениального художника складывалась этот мир. Мы видим, как формируются немые образы людей, как становятся они на свое место.

Изображая в своем романе работу художника Михайлова на одной из фигур его картины, Толстой говорит: «Он (Михайлов... — А. З.) как бы снимал с нее те покровы, из-за которых она не вся была видна...». Читая варианты и черновики «Анны Карениной» и сопоставляя их с окончательным текстом, присутствующим как бы при таком «снятии покровов». В соответствии с основными принципами своей художественной системы, Толстой убирает все внешние, резкие, опеночные

осталось лишь «жить и наслаждаться» и соответственно Толстой одной из главной редакции дает заголовок «Быть». Но великий писатель все более последовательно порывал со своей средой, все более беспощадно раскрывал ее господство на первом плане. Редкость, а также полное отсутствие социальных проблем в романе Толстого, это было неизвестно в процессе его подготовки. Издание его было выпущено в свет. В процессе его подготовки было издано множество новых книг, написанных самим Толстым и его современниками и другие зарубежные.

Пушкинская комиссия ставит также новый задачу обследование состояния и качества переводов произведений великого писателя на языки братских народов СССР. На заседаниях комиссии будет систематически обсуждаться выходящая литература о Пушкине.

Пушкинская комиссия ставит также новую задачу обследование состояния и качества переводов произведений великого писателя на языки братских народов СССР.

На заседаниях комиссии будет систематически обсуждаться выходящая литература о Пушкине.

На заседаниях комиссии будет систематически обсуждаться выходящая литература о Пушкине.

На заседаниях комиссии будет систематически обсуждаться выходящая литература о Пушкине.

На заседаниях комиссии будет систематически обсуждаться выходящая литература о Пушкине.

На заседаниях комиссии будет систематически обсуждаться выходящая литература о Пушкине.

На заседаниях комиссии будет систематически обсуждаться выходящая литература о Пушкине.

На заседаниях комиссии будет систематически обсуждаться выходящая литература о Пушкине.

На заседаниях комиссии будет систематически обсуждаться выходящая литература о Пушкине.

На заседаниях комиссии будет систематически обсуждаться выходящая литература о Пушкине.

На заседаниях комиссии будет систематически обсуждаться выходящая литература о Пушкине.

На заседаниях комиссии будет систематически обсуждаться выходящая литература о Пушкине.

На заседаниях комиссии будет систематически обсуждаться выходящая литература о Пушкине.

На заседаниях комиссии будет систематически обсуждаться выходящая литература о Пушкине.

На заседаниях комиссии будет систематически обсуждаться выходящая литература о Пушкине.

На заседаниях комиссии будет систематически обсуждаться выходящая литература о Пушкине.

На заседаниях комиссии будет систематически обсуждаться выходящая литература о Пушкине.

На заседаниях комиссии будет систематически обсуждаться выходящая литература о Пушкине.

На заседаниях комиссии будет систематически обсуждаться выходящая литература о Пушкине.

На заседаниях комиссии будет систематически обсуждаться выходящая литература о Пушкине.